

02/5-podskazok-dlya-teh-kto-ishet-pribylnye-kriptovalyuty/?utm_content=bufferd1d19&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer.

3. Sidorova Ye. *3 kriptovalyuty s samoy vysokoy skorostyu tranzaktsiy* [3 crypto-currencies with the highest transaction speed]. Available at: https://ru.insider.pro/investment/2018-03-01/3-kriptovalyuty-s-samoj-vysokoj-skorostyu-tranzakcij/?utm_content=bufferdbf53&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer.

4. Sidorova Ye. *6 pravil dlya novichkov na kriptovalyutnom rynke* [6 rules for beginners in the crypto-currency market]. Available at: https://ru.insider.pro/investment/2018-02-27/6-pravil-dlya-novichkov-na-kriptovalyutnom-rynke/?utm_content=buffer202f9&utm_medium=social&utm_source=facebook.com&utm_campaign=buffer.

5. Sukholitko A. S., Abramova L. S. *Perspektivy razvitiya kriptovalyuty v Rossii* [Perspectives of the development of crypto-currency in Russia]. *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie stran, regionov i optimizatsiya sektorov ekonomiki: analiz i prognozy (g. Moskva): materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. 22 dekabrya, 2017* [Socio-economic development of countries, regions and the optimization of economic sectors: analysis and forecasts (Moscow): materials I Internationalno naučno-prakticheskoy konferentsii. December 22, 2017]. Moscow, 2017, pp. 225–231.

6. Fomina Zh. S., Gutorov N. A. *Bitcoin: ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti ili "elektronnoe zoloto"* [Bitcoin: threat of economic security or "electronic gold"]. *Dostizheniya vuzovskoy nauki* [Achievements of university science], 2014, no. 8, pp. 262–267.

7. *Bitnovosti. 41 % oproshennykh britantsev schitayut, chto blokchejn – eto nazvanie modeli unitaza* [Bitnovosti. 41% of the British respondents believe that the blockade is the name of the toilet model]. Available at: <https://bitnovosti.com/2018/04/02/41-oproshennykh-britantsev-schitayut-cto-blokchejn-eto-nazvanie-modeli-unitaza/>.

СООТНОШЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЕЙ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Сайдарханов Аюб Магомедович, кандидат политических наук

Гимназия им. Гумхановой К.Б.

Российская Федерация, Чеченская Республика, 364015, г. Грозный, ул. Краевая, 3

E-mail: a.maret@mail.ru, 8-965-967-7932

В статье определяются сущности социально-политических феноменов, обозначаемых политологическими терминами «цивилизационные стили развития политических процессов» и «национальные стили развития политических процессов», включёнными в паспорт научной специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии», обосновываются авторские дефиниции этих терминов, первый из которых обозначает качественную характеристику совокупности методов, приемов, способов деятельности акторов политики, обеспечивающих изменение политических систем согласно критериям, выработанным конкретными цивилизационными теориями, а второй – совокупность устойчивых структурно-функциональных, институциональных, нормативно-правовых, коммуникативных и деятельностных особенностей качественных характеристик политических процессов, изменяющихся в соответствии с культурными традициями конкретных наций. По нашему мнению, термин «цивилизационный стиль развития политического процесса» приобретает теоретическое и практическое значение только для характеристик национально не определяемых цивилизационных моделей политических процессов, а термин «национальный стиль развития политического процесса» – при его отнесении к конкретной нации. Предложено изучать национальные стили развития политических процессов на материалах регионов, имеющих места компактного проживания национальных, этнических групп, имеющих специфические социокультурные ценности, проявляемые в формах и методах деятельности акторов политического процесса.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный стиль развития политического процесса, национальный стиль, национальный стиль развития политического процесса, региональный политический процесс.

CORRELATION OF CIVILIZATIONAL AND NATIONAL STYLES OF POLITICAL PROCESSES DEVELOPMENT

Saydarkhano Ayub M., Ph.D. (Politology)

Gumkhanova K.B. gymnasium

3 Kraevaya Str., Grozny, 364015, Chechen Republic, Russian Federation

E-mail: a.maret@mail.ru

The article defines the essence of socio-political phenomena, denoted by political terms “civilizational styles of development of political processes” and “national styles of development of political processes”, included in the passport of the scientific specialty 23.00.02 “Political institutions, processes and technologies”, author’s definitions of these terms, the first of which indicates a qualitative characteristic of the totality of methods, methods, methods of activity of policy actors, systems according to the criteria worked out by concrete civilizational theories, and the second is a set of stable structural, functional, institutional, regulatory, legal, communicative and activity characteristics of the qualitative characteristics of political processes that vary according to the cultural traditions of specific nations. In the author’s opinion, the term “civilizational style of the development of the political process” acquires a theoretical and practical significance only for the characteristics of nationally undefined civilizational models of political processes, and the term “national style of development of the political process” – when it is correlated with a specific nation. It is suggested to study the national styles of development of political processes on the materials of regions having places of compact residence of national, ethnic groups that have specific socio-cultural values, manifested in the forms and methods of activity of actors in the political process.

Keywords: civilization, civilizational style of development of political process, national style, national style of development of political process, regional political process

Развитие политологии сопровождается совершенствованием её понятийного аппарата, введением в активный научный оборот новых терминов. К ним относится термин «цивилизационные и национальные стили развития политических процессов», включенный в п. 9 паспорта научной специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» для описания одной из отраслей перспективных политологических исследований [3]. В структуре этого многословного термина обнаруживаются три словосочетания: «развитие политического процесса», «цивилизационный стиль» и «национальный стиль». И если первое из них «развитие политического процесса», введённое в научный оборот Т. Парсонсом в 1950-х гг., стало общепринятым обозначением динамики политической жизни, то словосочетания «цивилизационный стиль» и «национальный стиль», очевидно, указывающие на принципиальные различия динамических характеристик политических процессов, не вошли в активный научный оборот, не имеют единых общепринятых дефиниций, вследствие чего научное осмысление обозначаемых ими реалий актуализируется, приобретает теоретическое и практическое значение.

В соответствии с требованиями методологии новые научные изыскания должны учитывать опыт изучения общих и сходных объектов познания. Некоторые сведения об исследованиях национальных стилей развития политических процессов содержатся в статье доцентов Орловского филиала РАНХиГС Е.А. Тюрина и Е.Н. Савиновой «Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской национальной идентичности» [27, с. 195–200]. Авторы раскрыли влияние факторов национальной и государственной идентичности шотландцев на формирование отличительных признаков развития политического процесса в Шотландии, проявляемых в деятельности одного из институтов политической системы – Шотландской национальной партии [27, с. 195–200].

Апробированные авторами статьи и методы могут применяться другими исследователями после их адаптации к новому предмету познания.

Иные публикации, посвящённые обсуждаемой отрасли политологии, в научной электронной библиотеке eLibrary.ru и других информационно-поисковых системах

не выявлены, что указывает на неразработанность проблем цивилизационного национального стилей развития политических процессов, необходимость обсуждения методологических основ их изучения.

Согласно общенаучным традициям любое исследование начинается с определения значения используемых в нём ключевых терминов, которым и в нашем случае являются «цивилизационный стиль» и «национальный стиль». В них слово «стиль» употребляется в одном из его значений – метод, совокупность приёмов какой-либо работы, деятельности, поведения [15, с. 626]. В таком смысле оно используется в современных научных работах. Например, в «Новейшем политологическом словаре» термин «стиль политического лидера» трактуется как совокупность приёмов и методов деятельности лидера, а также характер его взаимодействия с конституентами (последователями) [14, с. 231]. Следовательно, изучение стилей политических процессов должно ориентироваться на задачи выявления методов, приёмов деятельности акторов политики, обеспечивающих стабильное функционирование политической системы или её структурные и иные изменения. При этом необходимо определять квалифицирующие признаки стилей, которые обнаруживаются не в скрытом от наблюдателей содержании деятельности акторов политики, а в наглядных формах демонстрации её элементов в образе жизни, одежде, художественной культуре и т.д. Такие признаки должны указывать на тенденции изменений политических процессов на цивилизационные или национальные.

Историко-этимологический анализ термина «цивилизационный» (от лат. *civilis* – гражданский, государственный, т.е. принадлежащий цивилизации, имеющий её признаки) показывает, что до закрепления за ним социокультурного значения, обозначающего преимущества западноевропейских христианских обществ над общинами варваров [24, с. 24–47], он применялся в римском праве для выделения гражданских дел в отдельное судопроизводство [23, с. 110–149].

Французские ученые Л. Февр и Э. Бенвенисту становили, что существительное “civilisation” (цивилизация) вошло в активную речевую практику намного позже, чем глагол “civiliser” (цивиловать – смягчать нравы, просвещать) и прилагательное “civilisé” (цивилованный – благовоспитанный, просвещённый) [2; 29, с. 239–281]. Со временем значение термина расширилось. Он стал использоваться в описаниях обществ, управляемых государственным аппаратом, или обозначать стадии (ступени) развития материальной культуры всего общества (мировая цивилизация), его отдельной социально-политической формации либо конкретной страны (локальные цивилизации) [8, с. 59–84; 11] и в других смыслах.

Современное научное определение сущностных признаков феномена, называемого «цивилизация», осложнено попытками некоторых учёных обозначать этим термином различные аспекты жизнедеятельности общества, вследствие чего в гуманитарных и социальных науках закрепились, например, теория английского учёного А.Д. Тойнби, выделявшего стадии (этапы) появления, становления и упадка цивилизаций, различаемых им на 21 разновидность по двум основным критериям: религии и формам её организации; территориально-пространственному определению общества и степени его удалённости от места первоначального возникновения [25].

В работах американских социологов Д. Белла и Э. Тоффлера, российских учёных П.А. Сорокина, Л.Н. Гумилева и других исследователей обоснованы иные критерии цивилизаций и парадигмы их изучения [1; 26; 22; 6; 11; 30; 33]. Так, по мнению американского политолога С. Хатингтона, существует восемь современных крупных цивилизаций, неизбежное столкновение которых становится главным фактором глобальной политики, приводит к распаду полиэтничных государств и к наиболее значительным конфликтам [31].

Теории локальных цивилизаций демонстрируют возможности совпадения цивилизационных и национальных критериев, «размывания» их социокультурных отличий в характеристиках некоторых социальных систем в конкретных исторических

периодах или об утрате национального своеобразия при интеграции народов в полиэтничных сообществах, ранее относившихся к разным цивилизациям [21]. По этому поводу профессор Российского университета дружбы народов Э.Н. Ожиганов писал, что население западноевропейских стран, с IX в. называющее себя христианским цивилизованным миром, пришло к финалу своей этнической истории, характеризуемому высокоразвитыми технологиями, налаженным бытом, господством правопорядка, отходом от христианской морали и культурных традиций [16]. Поэтому включение нашей страны в западноевропейскую цивилизацию, к чему граждан России неустанно призывают отечественные и зарубежные «доброжелатели», может привести к утрате Российской Федерацией традиционных национально-культурных основ её суверенитета, угроза уничтожения которых инокультурной аннексией обнаруживается на всех этапах отечественной истории.

Большое методологическое значение имеет критическое замечание П.А. Сорокина о том, что самая серьёзная ошибка цивилизационных теорий состоит в смешении культурных и социальных систем. Название «цивилизация» даётся существенно различным социальным группам и их общим культурам: этническим, религиозным, государственным, территориальным, разным многофакторным группам и даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами. В результате этого невозможно выявить главные критерии вычленения цивилизаций [22, с. 38–46].

Дискуссии по поводу определений термина «цивилизация», в конструкт которого современные учёные продолжают закладывать новые смыслы [11; 30; 33], показывают невозможность выработки единых критериев «цивилизационного стиля развития политического процесса», ибо попытки их приведения в соответствие с любой из известных цивилизационных теорий неизбежно вызывают критику сторонников альтернативных учений.

Все уровни политического процесса в России находятся под влиянием международных и внутригосударственных факторов. Важнейшие из них созданы многонациональным народом Российской Федерации, развивающимся в созданной им уникальной социокультурной среде и за многовековую историю превратившимся в суперэтнос, с достаточной подробностью описанный Л.Н. Гумилёвым и другими учёными [6].

В политической истории современной России особо отмечается август 1991 г., с которым связаны завершение советского периода и переориентация общероссийского политического процесса на модель либеральной демократии, якобы доказавшей её преимущества во всём «цивилизованном мире», под которыми понимаются США и страны Западной Европы [20, с. 73–84]. По мнению президента российского Института экономического анализа А.Н. Илларионова, в конце 1991 г. РФ унаследовала по обязательствам СССР внешний долг 67,8 млрд долл. США, что составляло 3,6 % ВВП России [7]. Этими обстоятельствами воспользовалась группа государств, включающая США, Канаду, Францию, Великобританию, Германию, Италию и Японию, которая доминировала в мировой экономике и глобальной политике благодаря согласованным действиям. Эта группа, называемая G7, стимулировала всеохватывающие радикальные либеральные реформы в России посредством предоставления нашему государству больших кредитов на их проведение, а также допуска высших должностных лиц РФ на некоторые встречи руководителей государств-учредителей, для чего придумывалась формула G7+1. В 1997 г. в коммюнике Денверского саммита G7+1 признавалось, что Россия завершает историческую трансформацию в демократическое государство с рыночной экономикой, вследствие чего G7 может трансформироваться в G8, в которой РФ станет равноправным членом [18]. Работа G8 с участием РФ продолжалась до 2014 г., до момента признания народом России итогов референдума о возвращении Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации, а также принятия соответствующих политических решений органами государственной власти РФ. Демонстрацией протеста государств-учредителей G7 против суверенных действий России стало её отлучение от участия в работе G7 и применение к ней санк-

ций. Но это не вызвало ожидаемого «западными партнерами» изменения политики России, сумевшей восстановить позиции в экономике, политике, обороноспособности.

Однако итогом либеральных реформ, проводившихся в РФ в 1992–1998 гг., было двукратное увеличение государственного внешнего долга – с 67,8 до 155,5 млрд. долл. США, достигшего 17,3 % ВВП, сократившегося за указанный период на 432 % [7]. За те годы РФ утратила унаследованный от СССР высокий статус в международной политике, превратилась в сырьевой придаток зарубежных корпораций, приобрела многочисленные острые внутривнутриполитические проблемы, которые создали серьёзные угрозы национальной безопасности. О понимании политической элитой таких проблем, разработке мер защиты национальных интересов и стратегических приоритетов России свидетельствуют Концепция и Стратегии национальной безопасности РФ, Стратегия-2020, Концепция и Стратегии государственной национальной политики РФ, а также послания Президента России Федеральному Собранию РФ, другие государственные документы. Их реализация обеспечивается целенаправленной согласованной деятельностью акторов политики на всех уровнях политической системы Российской Федерации. При этом формируется особый стиль развития политического процесса, который можно именовать национальным. Попытки выявления его критериев обнаруживаются в философских, лингвистических, экономических и других научных работах [9; 10, с. 19–34; 13].

Как утверждает профессор польского Института полонистики и культурологии С. Гайда, термин «национальный стиль» впервые использовался немецкими учёными И.И. Винкельманом, И.Г. Гердером и И.В. Гете в период германского предромантизма (конец XVIII – начало XIX в.) для описания «национального духа» и его влияния на формирование немецкой нации [4, с. 33]. Изначально термин характеризовал прямую зависимость общества от культуры конкретной нации, противостоящей обезличенному универсализму Просвещения, критикуемому за утрату этнокультурных ценностей [4, с. 34]. В постмодернистский период термин стал применяться для обозначения стилистических особенностей литературных, музыкальных, художественных, архитектурных и иных произведений.

Многочисленность признаков национальных стилей немецкий философ О. Шпенглер объяснял их соответствием разным социокультурам. Он писал: «Стиль, как и культура, есть первофеномен в строжайшем гегелевском смысле, всё равно стиль искусств, религий, мыслей или стиль самой жизни. Как и “природа”», стиль есть вечно новое переживание бодрствующего человека, его alter ego и зеркальное отображение в окружающем мире. Оттого в общей исторической картине какой-либо культуры может наличествовать только один стиль – стиль этой культуры» [32, с. 373].

Согласно парадигме рассмотрения национального стиля в связи с конкретной этнической группой профессор МГУ им. М.В. Ломоносова Н.И. Клушина отмечала, что в кросс-культурных исследованиях национальный стиль предстает как типизированный стиль «типизированного» представителя конкретной нации, а при его рассмотрении как феномена духовной жизни нации, он, наоборот, предстаёт не как усредненный стиль национальной коммуникации, а как эталонный стиль нации [10, с. 32].

В теориях социального управления национальный стиль стали рассматривать начале XX в. американские ученые Р. Бенедикт, М. Мид, А. Инклес и Д. Левинзон. Они определяли признаки национальных стилей через культурологические показатели отношения людей к власти и взаимодействия человека с обществом через средства разрешения конфликтов, включающие контроль агрессии и выражения чувств, а также через влияние семьи, образования, здравоохранения, экономики, политической системы, религии, систем социализации и отдыха на формирование национальных черт поведения людей [17].

В 1960–1980-х гг. нидерландский социолог Г. Хофстеде, изучивший в 40 странах факторы формирования национального стиля управления экономикой, обнаружил зависимость поведения менеджеров и рабочих от национальных культур [17].

Выявлены национально-культурные особенности систем управления персоналом в Британии, Германии, Италии, России, США, Украине, Франции, Швеции, Японии, других государствах [28].

В политической науке и практике термин «национальный стиль» применяется для характеристики переговорных процессов, ритуалов и других форм поведения акторов политики, действующих сообразно культуре представляемых ими народов.

Профессор Кельнского университета М. Райхлен обнаружил в исследованиях стилей управления помимо методологического подхода, условно называемого «зависимость от культуры», альтернативный подход, названный им «свобода от культуры» [19, с. 35–41]. Эти подходы соответствуют принципам культурного детерминизма и индетерминизма. Ввиду всеобщей взаимосвязи условно абстрагированных экономической, политической, социальной и духовной подсистем общества они применимы в исследованиях стилей управления во всех отраслях общественной жизни.

Первый из указанных М. Райхленом методологических подходов абсолютизирует зависимость управленческой деятельности от национальных культур, сохраняющих своеобразие независимо от их интеграции в многонациональных государствах. Очевидно, на формирование соответствующих стилей управления они влияют, если общество принимает, сохраняет в неизменности, эволюционно трансформирует или радикально обновляет культурные ценности, дуализм которых проявляется в их способностях к консервации и динамичному сущностному обновлению общепринятых, субкультурных и контркультурных компонентов, стремящихся проникать во все сферы общественной жизни и доминировать в них.

Зависимость стиля развития политического процесса от культуры обнаруживается и в социокультурных условиях, способствующих формированию своеобразных стереотипов мышления и ритуалов поведения сограждан. Каждое новое поколение, постепенно замещающее предков, включается в общественную жизнь в ходе социализации, воспринимает и воспроизводит доминирующую модель стиля поведения в неизменном или частично обновлённом виде без его радикальных модернизаций, неприемлемых старшими поколениями, осуществляющими социальный контроль. Так культура стабилизирует и закрепляет в общественном сознании модель поведения, признаваемую типичной, эталонной для какой-либо нации, служащей идентификационным признаком её членов.

В свою очередь, индетерминистский подход «свободы от культуры», отрицающий влияние культуры на стиль управления, доказывает его зависимость от технологического прогресса, предопределяющего динамику изменений всех сфер общества. Такой методологический подход порождает дискуссии о примате технологий или культуры в определениях стиля деятельности. Их бесполезность обусловлена тем, что технологии являются частью общей культуры – технологической культурой, и развиваются в единстве со всеми её компонентами. В условиях распространения принципов рыночной экономики на все сферы общественной жизни обостряется конкуренция не только производственных технологий, но и иных культурных ценностей, включая стили политической деятельности. При этом технологии превращаются в фактор, стабилизирующий, ускоряющий или замедляющий темпы развития политического процесса.

Методологический подход «свободы от культуры», исключая объективность причинной связи (онтологический индетерминизм) либо познавательную ценность причинного объяснения в науке (методологический индетерминизм), очевидно, ошибочно отрицает влияние национальных культур на стили управления вследствие принижения значимости диалектики технологических процессов, циклы которых состоят из периодов длительного постепенного нарастания их внутренних противоречий и революционных скачков качества технологий, переводящих процессы на новые уровни эволюционного развития до следующих качественных скачков, вызванных новым переходом количественных изменений в качественные. Результаты

промежуточных стадий процесса, не демонстрирующие отдалённые последствия и общие итоги, по-разному оцениваются обществом в зависимости от доминирующих в его культуренормативно-оценочных стереотипов. Поэтому акторы политики поддерживают или противодействуют технологическим инновациям, деятельности по изменению методов, способов функционирования и развития политических и иных процессов, что, в свою очередь, отражается на их стиле и динамике.

Индетерминизм допускает большее влияние на политические и иные процессы личностных качеств участников, чем объективных доминант, из-за чего принципы причинности не объясняют некоторые поступки людей. Поэтому при изучении национальных стилей развития политических процессов необходимо применять интеграционный методологический подход, признающий детерминированность предмета исследования социокультурной средой, созданной чётко определённой в пространстве и времени этнической группой, и, одновременно, учитывающий возможности индетерминистского, волевого, волюнтаристского поведения акторов политики, пренебрегающих объективными условиями и вступающих в противоборство с ними. Из-за этого исследования стилей развития политических процессов необходимо начинать со структурно-функционального анализа конкретного политического процесса и выявления способностей наиболее значимых акторов политики к волевым решениям и действиям в критических ситуациях, в обстановке явных или неочевидных доминант и приматов, иерархии факторов.

Наш предварительный вывод имеет значение для разработки интеграционного методологического подхода к исследованию сущности феномена, обозначенного термином «национальный стиль развития политического процесса», который может формироваться под воздействием совокупности условий и факторов, созданных конкретной национальной (этнической) группой, ибо без чёткого определения познаваемого объекта все рассуждения о закономерностях формирования национального стиля развития политического процесса абстрагируются, утрачивают теоретическую и практическую ценность.

При реальном взаимодействии в многонациональной социальной среде этносы вынуждены учитывать культуру других народов и встраивать свои ценности в иерархично организованную социокультурную систему общества. При мозаичной поликультуре многонационального государства возникает множество локальных национальных стилей литературы, архитектуры и других отраслей, каждый из которых «капсулируется» – существует обособленно в локальной социальной группе – или «бунтует» – претендует на его признание «общенародным».

Формирование национального стиля политического процесса в многонациональном государстве находится в большой зависимости от этнического состава политической элиты и характера взаимоотношений её этнокультурных частей, варьирующего в широком диапазоне от равноправного сотрудничества до абсолютного доминирования одной из них. Политическая элита, ориентированная на конструктивное сотрудничество всех членов общества, может выработать корпоративную модель взаимодействия, которая получает правовое оформление в законах и других нормативных актах, редактируемых с таким расчётом, чтобы элитарно-корпоративные модели внутривнутриполитических отношений этнических частей элиты воспринимались общественным сознанием как единственно правильные, соответствующие интересам всего полиэтничного народа страны. Жизнеспособность таких моделей политическая элита обеспечивает разнообразными средствами власти, применяемыми для легитимации провозглашённого «народного стиля жизни», его внедрения во все сферы общественной жизни, массового употребления, включения в социокультурные ценности.

Политическое руководство России старается планировать развитие общества с учётом реальных условий и факторов, выявленных в ходе системных исследований обстановки в стране. Поэтому практическое значение имеют исследования национальных стилей политических процессов в тех регионах Российской Федерации,

в которых нации проживают компактно и не утратили национально-культурного своеобразия. Таким регионом России является Чеченская Республика. В структуре её населения (1,4 млн чел.) абсолютное большинство составляют чеченцы (95,3 %) [5]. Они органично включены в многонациональное российское общество, бережно относятся к ценностям материальной и духовной культуры чеченцев и других народов.

Национальный колорит региональному политическому процессу придаёт его структура. В ней помимо типичных для других регионов территориальных подразделений органов государственной власти РФ, органов государственной власти ЧР, органов местного самоуправления, региональных отделений политических партий и общественных объединений высокое место занимают традиционные для Чечни институты гражданского общества – тайпы (местные сообщества, территориально организованных самоуправляемых объединений родственников и свойственников). Они образованы нахскими народами в Средневековье для выполнения организационно-управленческих, оборонительных, экономических, социальных, культурных, духовных и иных функций. Общественное признание высокой эффективности тайпов доказывает сохранение этой формы местных сообществ до наших дней. Эксперты насчитывают более 130 чеченских тайпов с многовековой историей.

Привлечение тайпов к активному участию в региональном политическом процессе происходило на разных этапах истории Чечни. По предложению первого президента ЧР А.А. Кадырова органы государственной власти республики проводили разъяснительную работу в местных сообществах поселений с участием старейшин, духовенства и других авторитетных лидеров тайпов на территориях, освобождаемых от незаконных вооружённых групп. Это ускорило переход республики к мирному развитию.

Лидеры тайпов поддержали идеи главы ЧР Р.А. Кадырова о прекращении кровной мести, заботе о детях-сиротах, одиноких стариках и вдовах, усилении внимания к молодым людям, увлекающимся радикальными верованиями. В результате мер, совместно принятых органами государственной власти и лидерами тайпов, например, за три года прекращена кровная вражда 350 семей, что существенно снизило уровень социальной напряжённости и криминогенности в регионе.

Национальное своеобразие проявляется и в политической культуре, компонентами которой является государственная символика республики. В ней использованы стилизованные национальные символы и орнаменты, а гимн ЧР написан и исполняется в стиле, характерном для национальной поэзии и музыки.

Включённое наблюдение за коммуникациями акторов политики ЧР коррелируется с выводами профессора Российского университета дружбы народов (РУДН) Т.В. Лариной о том, что национальный стиль обнаруживается в вербальной коммуникации как национально-специфическом типе коммуникативного поведения, которое формируется под влиянием социально-культурных ценностей, норм и традиций [12, с. 26–31]. Вместе с тем своеобразный свод традиционных этических норм чеченцев «Нохчалла», содержащий описание правил поведения и ритуалов, уделяет большое внимание мимике и пантомимике, пространству межличностного общения и другим невербальным нормативам, используемым большинством жителей республики в семейно-бытовых и общественных отношениях. Поэтому в Чеченской Республике национальный стиль замечается как в вербальных, так и в невербальных коммуникациях.

В некоторые варианты официальной одежды политических деятелей ЧР часто включаются легко узнаваемые национальные компоненты, которые одобрительно встречены старшими поколениями, признающими этот стиль одежды присущим чеченцам.

Для многих чеченцев эталонным является стиль поведения главы республики Р.А. Кадырова, который в общении тактичен, доброжелателен, демонстрирует соблюдение норм «Нохчалла» и религиозной морали.

Приведённые примеры показывают своеобразие формирования национального стиля регионального политического процесса в Чеченской Республике на основе культуры народов, проживающих в регионе.

Таким образом, термины «цивилизационный стиль развития политических процессов» и «национальный стиль развития политических процессов» пока не имеют однозначного научного определения.

Полученные материалы позволяют утверждать, что цивилизационным стилем развития политических процессов может называться совокупность методов, приёмов, способов деятельности акторов политики, обеспечивающих изменение политической системы государства, качественные критерии которых соответствуют конкретным цивилизационным теориям, выделяемым из их множества, а национальным стилем развития политического процесса – совокупность устойчивых структурно-функциональных, институциональных, нормативно-правовых, коммуникативных и деятельностных особенностей политических процессов, изменяющихся согласно культуре конкретной нации и приобретающих её идентификационные черты.

В связи с тем, что политический процесс имеет сложную структуру, определяемую территориально и функционально на разных уровнях политически организованного общества, то употребление термина «национальный стиль развития политического процесса» приобретает теоретическое и практическое значение только при его соотнесении с конкретной нацией, а термин «цивилизационный стиль» – в характеристиках национально неопределяемой модели стиля политического процесса, критерии которого выделены соответствующей цивилизационной теорией.

Ввиду многонационального состава населения Российской Федерации представляется целесообразным изучать феномен, обозначаемый термином «национальный стиль развития политических процессов», на материалах регионов, имеющих места компактного проживания конкретных национальных групп, сохранивших социокультурное своеобразие.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество : пер. с англ. / Д. Белл. – Изд. 2-е, испр. и доп. - Москва:Academia, 2004. - 788 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва : УРСС, 2002. – 448 с.
3. ВАК. Нормативно-справочная информация. Паспорта научных специальностей. – Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/316>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Гайда, С. Национальный стиль как стилистическая категория / С. Гайда // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 33–40.
5. Глава и Правительство Чеченской Республики. Официальный портал. – Режим доступа: <http://vestikavkaza.ru/analytics/Klany-i-tarikaty-v-Chechne-1.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Москва : ДИ-КАРТ, 1992. – 456 с.
7. Илларионов, А. Долговая катастрофа 1991 года / А. Илларионов. – Режим доступа: <https://aillarionov.livejournal.com/358666.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Ионов, И. И. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм / И. И. Ионов // Образы историографии : сб. – Москва : РГГУ, 2001. – С. 59–84.
9. История России XX – начала XXI века / под ред. акад. РАН Л. В. Милова. – Режим доступа: http://www.telenir.net/istorija/istorija_rossii_hh_nachala_xxi_veka/p1.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Клушина, Н. И. Русский национальный стиль и его реализация в текстах современных СМИ / Н. И. Клушина // Stylistyka. – 2012. – Т. 21. – С. 19–34.
11. Кузык, Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее : в 2 т. / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковенко. – Москва : Ин-т экономических стратегий, 2006. – Т. 1: Теория и история цивилизаций. – 768 с.
12. Ларина, Т. В. Национальный стиль вербальной коммуникации: постановка проблемы / Т. В. Ларина // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. – 2005. – № 7. – С. 26–31.
13. Никулин, Н. М. Россия на рубеже веков. Конец XX – начало XXI в. / Н. М. Никулин. – Москва : МГИМО (У), 2016. – 756 с.
14. Новейший политологический словарь / авт.-сост.: Д. Е. Погорельный, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. – Ростов-н/Д : Феникс, 2010. – 318 с.

15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : ок. 57000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 20-е изд., стеротип. – Москва : Русский язык, 1988. – 750 с.
16. Ожиганов, Э. Н. Моделирование и анализ политических процессов : учеб. пос. / Э. Н. Ожиганов. – Москва : РУДН, 2009. – 189 с.
17. Пермякова, Л. Д. Влияние национальной культуры на организационную культуру публичной службы / Л. Д. Пермякова // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2012/kult2.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Полторецкий, С. В. Основные этапы участия Российской Федерации в «Группе семи» / С. В. Полторецкий. – Режим доступа: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2016-2/2-poltoretskii.pdf>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Райхлен, М. Влияет ли национальная культура на стиль управления / М. Райхлен // Экономическая стратегия. – 2001. – № 4. – С. 34–41.
20. Рандма-Лийв, Т. О применимости «западных» теорий государственного управления в посткоммунистических странах / Т. Рандма-Лийв // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008. – № 2. – С. 73–87.
21. Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / отв. ред. И. Г. Яковенко. – Москва : Наука, 2007. – 685 с.
22. Сорокин, П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика / П. Сорокин // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 536 с.
23. Старобинский, Ж. Слово «цивилизация» / Ж. Старобинский // Поэзия и знание. История литературы и культуры : в 2 т. / Ж. Старобинский, Е.П. Васильева, Б.В. Дубин, С.Н. Зенкин, В.А. Мильчина. – Москва : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 1. – 496 с.
24. Терин, Д. Ф. «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности / Д. Ф. Терин // Социологический журнал. – 2003. – № 1. – С. 24–47.
25. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Ж. Тойнби ; пер. с англ. Е.Д. Жаркова ; под ред. д.и.н., проф. В. И. Уколовой и к.и.н. Д. Э. Харитоновича. – Москва : Айрис Пресс, 2002. – 640 с.
26. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2002. – 557 с.
27. Тюрин, Е. А. Национальный стиль развития политического процесса в современной Шотландии: к вопросу о шотландской национальной идентичности / Е. А. Тюрин, Е. Н. Савинова // Власть. – 2015. – № 4. – С. 195–200.
28. Фантаз, С. Национальные особенности систем управления персоналом: Япония, США, Россия, Украина / С. Фантаз. – Режим доступа: <http://www.hr-portal.ru/article/nacionalnye-osobennosti-sistem-upravleniya-personalom-yaaponiya-ssha-rossiya-ukraina>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
29. Февр, Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей / Л. Февр // Бои за историю / Л. Февр, А. А. Бобович, А. Я. Гуревич. – Москва : Наука, 1991. – 629 с.
30. Фролов, Э. Д. Проблема цивилизаций в историческом процессе / Э. Д. Фролов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. – 2006. – № 2. – С. 96–100.
31. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – Москва : АСТ, 2003. – 603 с.
32. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер : пер. с нем., вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. – Москва : Мысль, 1993. – 663 с.
33. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковенко. – Москва : Экономика, 2003. – 441 с.

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrialnoe obshhestvo* [The Future Post-Industrial Society]. Moscow, Academia Publ., 2004, 2nd ed.
2. Benvenist Ye. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2002.
3. VAK. *Normativno-spravochnaya informatsiya. Pasporta nauchnykh spetsialnostey* [VAK. Reference information. Passports of scientific specialties]. Available at: <http://vak.ed.gov.ru>. 316.
4. GaydaS. *Natsionalny stil kak stilisticheskaya kategoriya* [National style as a stylistic category]. *Zhanry rechi* [Genres of speech], 2016, no. 2, pp. 33–40.
5. *Glava i Pravitelstvo Chechenskoy Respubliki* [The Head and the Government of the Chechen Republic]. Available at: <http://vestikavkaza.ru/analytics/KlanyitarikatyvChechne1.html>.

6. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's biosphere]. Moscow, DI-KART Publ., 1992.
7. Illarionov A. *Dolgovaya katastrofa 1991 goda* [Debt catastrophe in 1991]. Available at: <https://aillarionov.livejournal.com/358666.html>.
8. Ionov I. I. Rozhdenie teorii lokalnykh tsivilizatsiy i smena nauchnykh paradigim [The birth of the theory of local civilizations and the replacement of scientific paradigms]. *Obrazy istoriografii: Sbornik* [Images of historiography: Collection]. Moscow, RSSU Publ., 2001, pp. 59–84.
9. *Istoriya Rossii XX nachala XXI veka* [History of Russia XX – the beginning of the XXI century]. Ed. by L. V. Milov. Available at: http://www.telenir.net/istorija.istorija.rossii.hh.nachala_xxi_veka.p1.php.
10. Klushina N. I. Russkiy natsionalnyy stil i ego realizatsiya v tekstakh sovremennykh SMI [Russian national style and its implementation in the texts of modern media]. *Stylistyka. Poland (Opole)* [Stylistics. Poland (Opole)], 2012, vol. 21, pp. 19–34.
11. Kuzyk B. N., Yakovets Yu. V. *Tsivilizatsii: teoriya, istoriya, dialog, budushchee: v 2 tomakh* [Civilizations: Theory, History, Dialogue, Future: In 2 volumes]. Moscow, Institute of Economic Strategy Publ., 2006, vol. 1 “Theory and history of civilizations”.
12. Larina T. V. Natsionalnyy stil verbalnoy kommunikatsii: postanovka problemy [National style of verbal communication: statement of the problem]. *Vestnik RUDN. Seriya "Linguistika"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Linguistics"], 2005, no. 7, pp. 26–31.
13. Nikulin N. M. *Rossiya na rubezhe vekov. Konets XX i nachalo XXI v.* [Russia at the turn of the century. End of the XX – beginning of the XXI century]. Moscow, MGIMO – University Publ., 2016.
14. Pogorelyy D. E., Fesenko V. Yu., Filippov K. V. *Noveyshiyy politologicheskiy slovar* [The newest political science dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010.
15. Ozhegov S. I. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988.
16. Ozhiganov Ye. N. *Modelirovanie i analiz politicheskikh protsessov* [Modeling and analysis of political processes]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2009.
17. Permyakova L. D. Vliyanie natsionalnoy kultury na organizatsionnyuyu kulturu publichnoy sluzhby [Influence of national culture on the organizational culture of public service]. *Zhurnal nauchnykh publikatsiy aspirantov i doktorantov* [Journal of Scientific Publications of Post-Graduate Students and Doctoral Students]. Available at: <http://jurnal.org/articles/2012/-kult2.html>.
18. Poltoretskiy S. V. Osnovnye etapy uchastiya Rossiyskoy Federatsii v "Gruppesemi" [The main stages of the participation of the Russian Federation in the Group of seven]. Available at: http://publishing-vak.ru/file/archive/politology2016.2/2_poltoretskii.pdf.
19. Raykhlen M. Vliyaet li natsionalnaya kultura na stil upravleniya [Does the national culture influence the style of management]. *Ekonomicheskaya strategiya* [Economic strategy], 2001, no. 4, pp. 34–41.
20. Randma-Liyv T. O primenimosti "zapadnykh" teorii gosudarstvennogo upravleniya v postkommunisticheskikh stranakh [About the applicability of "Western" theories of public administration in post-communist countries]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Issues of state and municipal management], 2008, no. 2, pp. 73–87.
21. *Rossiya kak tsivilizatsiya: ustoychivoe i izmenchivoe* [Russia as a civilization: stable and volatile]. Moscow, Nauka Publ., 2007.
22. Sorokin P. Obschie printsipy tsivilizatsionnoy teorii i ee kritika [General principles of civilizational theory and its criticism]. *Erasov B. S. Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy: Khrestomatiya* [Erasov V. S. Comparative study of civilizations: Reader], Moscow, Aspekt-Press Publ., 1998, pp. 38–46.
23. Starobinskiy Zh. Slovo "tsivilizatsiya" [The word "civilization"]. *Starobinskiy Zh., Vasileva Ye. P., Dubin B. V., Zenkin S. N., Milchina V. A. Poeziya i znanie. Istoriya literatury i kultury: in 2 vol.* [Starobinsky Zh., Vasilyeva EP, Dubin VV, Zenkin SN, Milchina VA Poetry and knowledge. History of literature and culture: in 2 vol.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2002, vol. 1.
24. Terin D. F. "Tsivilizatsiya" protiv "varvarstva": k istoriografii idei evropeyskoy unikalnosti ["Civilization" versus "barbarism": to the historiography of the idea of European uniqueness]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2003, no. 1, pp. 24–47.
25. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Ayris-Press Publ., 2002.
26. Toffler Ye. *Shok budushchego* [Shock of the Future]. Moscow, ACT Publ., 2002.

27. Tyurin Ye. A., Savinova Ye. N. Natsionalnyy stil razvitiya politicheskogo protsessa v sovremennoy Shotlandii: k voprosu o shotlandskoy natsionalnoy identichnosti [National style of political process development in modern Scotland: to the issue of Scottish national identity]. *Vlast* [Power], 2015, no. 4, pp. 195–200.

28. Fantaz S. *Natsionalnye osobennosti sistem upravleniya personalom: Yaponiya, SShA, Rossiya, Ukraina* [National features of personnel management systems: Japan, USA, Russia, Ukraine]. Available at: <http://www.hr.portal.ru/article/natsionalnye.osobennosti.sistem.upravleniya.personalom.yaponiya.usa.rossiya.ukraina>.

29. Fevr L. *Tsivilizatsiya: evolyutsiya slova i gruppy idey* [Civilization: the evolution of the word and a group of ideas]. *Fevr L., Bobovich A. A., Gurevich A. Ya. Boy za istoriyu* [Fevr L., Bobovich A. A., Gurevich A. Ya. Battles for history]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 629 p.

30. Frolov Ye. D. Problema tsivilizatsiy v istoricheskom protsesse [The problem of civilizations in the historical process]. *Vestnik Sankt-Peterburgsko gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya"* [Bulletin of the St. Petersburg State University. Series "History"], 2006, no. 2, pp. 96–100.

31. Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [The clash of civilizations]. Moscow, AST Publ., 2003.

32. Shpengler O. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of Europe. Essays on the morphology of world history]. Moscow, Mysl Publ., 1993, vol. 1 "Gestalt and reality".

33. Yakovets Yu. V. *Globalizatsiya i vzaimodeystvie tsivilizatsiy* [Globalization and interaction of civilizations]. Moscow, Ekonomika Publ., 2003.

СТАБИЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ

Шпагин Сергей Александрович, кандидат исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Российская Федерация, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 36
E-mail: shpagin1972@mail.ru

Статья посвящена оценке общих масштабов динамики партийной системы современной России средствами количественного анализа. Для решения поставленной задачи в работе проводится исследование статистических данных о результатах выборах в Государственную Думу в 1993–2016 гг. с использованием модифицированного индекса электоральной волатильности. Традиционная методика исследования, разработанная М. Педерсеном, ориентировалась только на динамику стабильных демократий и строилась на подсчёте изменений уровня электоральной поддержки партий. Материалы исследования демонстрируют необходимость детального учёта не только колебаний в поддержке партий избирателями, но и структурных изменений в партийной системе, происходящих в период между выборами в представительные органы власти. Для этого предлагается дополнить расчёт электоральной волатильности вычислением индекса межэлекторальной волатильности по методу Э. Пауэлл и Дж. Такера, а также суммарным показателем общей волатильности. Но и этот метод требует корректировки, поскольку в исходной версии не учитывает показатели малых партий. Только такая методика позволяет в полной мере оценить, насколько существенными были масштабы перемен в российской партийной системе в 1990-е гг., и какую структуру имели эти изменения. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что после резкого всплеска волатильность с 1999 г. быстро снижается, и даже новая волна партийного строительства после 2012 г. не оказала влияния на эту тенденцию.

Ключевые слова: партийная система, выборы, электоральная волатильность, межэлекторальная волатильность, М. Педерсен, Государственная Дума